

Шлейермахер Фридрих

**Речи о религии к образованным
людям, ее презиравшим**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
Ф88

Ф88 **Фридрих Ш.**
Речи о религии к образованным людям, ее презиравшим / Шлейермахер Фридрих – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 462 с.

ISBN 978-5-521-31304-4

ISBN 978-5-521-31304-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Личность и міровоззрѣніе Фр. Шлейермахера.

I.

Личность и воззрѣнія Шлейермахера мало извѣстны у насъ. А между тѣмъ онъ былъ одной изъ крупнѣйшихъ фигуръ того нѣмецкаго духовнаго движенія конца XVIII и начала XIX вѣка, которое зовется „романтической школой“. И — что, быть можетъ, самое замѣчательное — онъ былъ, кажется, единственнымъ мыслителемъ этой эпохи, идеи котораго непрерывно вліяли и продолжаютъ доселѣ вліять на нѣмецкую мысль. Многіе единомышленники и соратники Шлейермахера сохранили для насъ лишь историческій интересъ, наприм., Фридрихъ Шлегель; другіе, какъ Фихте и Шеллингъ, только теперь начинаютъ возрождаться изъ несправедливаго забвенія; романтическіе поэты, за единственнымъ исключеніемъ гениальнаго юноши Новалиса, также не могутъ оказывать сколько-нибудь сильнаго вліянія на современныя души. Отъ одного только Шлейермахера идетъ въ Германіи непрерывная нить традиціи и духовнаго воздѣйствія вплоть до нашихъ дней. Конечно, сужденіе даже цѣлаго столѣтія не есть еще окончательный „приговоръ исторіи“; но оно, по меньшей

мѣръ, свидѣтельствуешь, что идеи Шлейермахера обладаютъ исключительной жизнеспособностью и что онѣ были менѣ всего подчинены узкимъ мѣстнымъ и временнымъ вліяніямъ. Можно также сказать, что оно свидѣтельствуешь о нѣкоторомъ здоровомъ реализмѣ и жизненной широтѣ его воззрѣній, ибо все фантастическое, субъективное и вычурное не можетъ сохраниться въ смѣнѣ даже немногихъ поколѣній. Шлейермахеръ живетъ доселѣ въ нѣмецкой научной мысли: его религіозно-философскія воззрѣнія образуютъ основу и исходную точку всего нѣмецкаго протестантскаго богословія, и его историко-философскія изысканія, на ряду съ „Исторіей философіи“ Гегеля, также положили начало всей нѣмецкой исторіи философіи. Что касается его этическихъ взглядовъ, сущность которыхъ выражена въ «Монологахъ», то, по крайней мѣръ, относительно 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда нѣмецкій идеализмъ и романтическое міровоззрѣніе были болѣе всего забыты и презрѣны въ Германіи, біографъ Шлейермахера говоритъ: „Среди всѣхъ моральныхъ сочиненій современныхъ мыслителей только „Монологи“ дѣйствуютъ доселѣ на широкіе круги. Гдѣ они встрѣчаются болѣе глубокимъ натурамъ въ рѣшающіе годы развитія, они почти всегда оказываютъ опредѣляющее вліяніе. Каждый внимательный наблюдатель знаетъ не малое число людей, которые обязаны именно „Монологамъ“ толчкомъ къ болѣе сознательной и высокой нравственной жизни“ ¹⁾. Съ того времени это вліяніе, несомнѣнно, скорѣе возросло, чѣмъ понизилось.

¹⁾ W. Dilthey: „Leben Schleiermachers“. В. I. Berlin, 1870. Стр. 450. Эта книга замѣчательнаго, еще недостаточно оцѣненнаго берлинскаго мыс-

(Но, конечно, главное значеніе Шлейермахера тѣсно связано со всѣмъ тѣмъ кругомъ идей и настроеній, которыя волновали нѣмецкую мысль въ эпоху романтизма, и можетъ быть правильно оцѣнено лишь на фонѣ того, что есть объективно вѣрнаго въ этомъ движеніи, или что, по меньшей мѣрѣ, сохраняетъ силу для нашего времени. „Рѣчи о религіи“ Шлейермахера являются одной изъ высшихъ вершинъ этого замѣчательнаго движенія мысли, и ихъ значеніе для той эпохи—а, слѣдовательно, косвенно для историческаго развитія идей вообще—начинаетъ въ полной мѣрѣ уясняться только теперь. Правда, Шлейермахеръ самъ испыталъ на себѣ вліяніе Канта, Фихте, Шеллинга (не считая болѣе раннихъ мыслителей, главнымъ образомъ, возрожденнаго трудами Якоби, Спинозы). Но своеобразный синтезъ этихъ идей и ихъ сліяніе въ религіозно-философское міровоззрѣніе есть самостоятельное дѣяніе Шлейермахера, въ которомъ впервые, за исключеніемъ болѣе раннихъ натурфилософскихъ сочиненій Шеллинга, былъ совершонъ переходъ отъ интеллектуалистическаго идеализма Канта и Фихте къ религіозному реализму. Шеллингъ, который вначалѣ встрѣтилъ „Рѣчи о религіи“ отрицательно и въ извѣстномъ стихотворномъ «Эпикурейскомъ исповѣданіи» противопоставилъ религіозному міровоззрѣнію Шлейермахера жизнерадостную любовь къ природѣ, какъ

лителя есть не только лучшее обстоятельное жизнеописаніе Шлейермахера (къ сожалѣнію, не доведенное до конца), но, кажется, и лучшая по глубинѣ и богатству идей исторія нѣмецкой романтики и всего нѣмецкаго умственнаго движенія конца XVIII и начала XIX в. Изъ сочиненій, имѣющихъ на русскомъ языкѣ, укажемъ на (гораздо болѣе слабую) книгу Гайма: „Романтическая школа“ (М., 1891 г.), одна глава которой посвящена специально Шлейермахеру.

основной мотивъ своей натурфилософіи, вскорѣ затѣмъ призналъ себя повиннымъ въ „непростительной небрежности“ и объявилъ „Рѣчи о религіи“ „прекраснѣйшимъ выраженіемъ, или скорѣе даже образомъ вселенной“, а ихъ автора — великимъ и вдохновеннымъ мыслителемъ ¹⁾. „Рѣчи о религіи“, несомнѣнно, предвосхитили одну изъ самыхъ глубокихъ, тогда еще не высказанныхъ основъ шеллинговой философіи — новое, реалистическое пониманіе „интеллектуальнаго созерцанія“. Еще болѣе рѣшающее вліяніе оказали „Рѣчи“ на Гегеля. Правда, это вліяніе было скрытымъ, и если не считать мимоходомъ высказаннаго одобренія въ первомъ сочиненіи Гегеля „О различіи между философскими системами Фихте и Шеллинга“, гдѣ онъ признаетъ въ „Рѣчахъ“ „влеченіе лучшаго духа согласовать разумъ съ природой и избавить природу отъ насилій, творимыхъ надъ нею системами Канта и Фихте“, то значеніе Шлейермахера для міровоззрѣнія Гегеля внѣшнимъ образомъ нигдѣ не видно изъ произведеній послѣдняго, а его позднѣйшая рѣзкая оцѣнка богословскаго ученія Шлейермахера ²⁾ свидѣтельствуешь о глубокомъ антагонизмѣ между этими двумя умами. Однако въ отношеніи Гегеля къ Шлейермахеру сказывается лишь его общая неблагодарность къ романтическому міровоззрѣнію, изъ котораго родилась его система. И въ настоящее время, благодаря работѣ Дильтея о юношескомъ развитіи Гегеля и опубликованнымъ по его

¹⁾ *Dilthey*, стр. 440 и сл.

²⁾ Въ предисловіи къ „Философіи религіи“ Hinrichs'a, гдѣ Гегель говоритъ, что если религія состоитъ въ чувствахъ, и притомъ въ „чувствахъ зависимости“, то „собака есть лучшій христіанинъ“. Ср. „*Briefe von und an Hegel*“, 1887, Th. 2, стр. 66.

почину раннимъ работамъ Гегеля¹⁾, мы знаемъ, что основная идея гегелевской философіи — идея объективнаго духа, или соборнаго сознанія, какъ носителя историческаго развитія, возникла изъ религіозно-историческихъ размышленій, на которыя непосредственно натолкнули Гегеля „Рѣчи о религіи“ Шлейермахера. На ряду съ этими философскими вліяніями „Рѣчей“ надлежитъ отмѣтить ихъ могущественное дѣйствіе на религіозную поэзію Новалиса и на замыслы его философскихъ романовъ.

Но мѣсто Шлейермахера въ этомъ духовномъ движеніи опредѣляется еще и иначе. Если исключить Гёте, который стоялъ въ сторонѣ отъ этого броженія мыслей и чувствъ или, вѣрнѣе, надъ нимъ, и съ высоты своего гармонически-цѣлостнаго умонастроенія спокойно учитывалъ какъ сильныя и плодотворныя, такъ и слабыя и незрѣлыя стороны въ идейномъ мятѣжѣ романтизма, то Шлейермахера придется признать единственнымъ трезвымъ въ средѣ опьяненныхъ. Онъ одинъ умѣрялъ порожденную дѣйствіемъ его же собственныхъ воззрѣній фантастическую мечту о сліяніи поэзіи съ наукой въ единое религіозное знаніе, незрѣлые замыслы поэтическаго мифотворчества и всякаго рода упованія на возрожденіе религіи литературными средствами. Уяснивъ единство научнаго и поэтическаго созерцанія съ мистическимъ сознаніемъ въ ихъ исходныхъ точкахъ, онъ отчетливо отмѣтилъ ненарушимыя грани между этими духовными сферами въ ихъ дальнѣйшемъ самостоятель-

¹⁾ *Dilthey*: „Jugendgeschichte Hegels. Abhandl. der Preuss. Akademie der Wissenschaften“, 1905. *H. Nohl*: „Hegels theologische Jugendschriften“. Tübingen, 1907. Ср. *Dilthey*: „Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften“. Berlin, 1910. Стр. 24 и сл.

номъ развитіи. Онъ хорошо понималъ религіозную слабость „фантастическихъ натуръ“, которымъ, говоря словами его „Рѣчей“, „недостаетъ силы проникновенія во внутрь, способности овладѣвать существеннымъ“ и которыя „привыкли останавливаться на призрачномъ. и потому вмѣсто здоровой и сильной жизни имѣютъ лишь разсѣянные и бѣглыя душевныя движенія“; онъ понималъ также односторонность замкнутаго, обращеннаго лишь во внутрь субъективизма, въ которомъ „высшее чувство неразвито и скудно“ и „истинное внутреннее общеніе съ міромъ болѣзненно и ограничено“. Онъ ставилъ себѣ задачу, съ одной стороны, показать безграничную широту и здоровую жизненную насыщенность религіознаго сознанія, не мирящуюся ни съ какой сектантской узостью и болѣзненной усѣченностью духовнаго бытія, и съ другой стороны—уяснить самобытную природу религіи, не допускающую смутнаго, безформеннаго отождествленія ея съ метафизикой, моралью или поэзіей. Онъ сознавалъ, что религія, будучи сама по себѣ верховнымъ и абсолютнымъ началомъ духовной жизни, должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ все же понята, какъ *одна изъ функцій* духа, не стѣсняющая остальныхъ его отправленій и не сливающаяся съ ними; эту трудную проблему іерархіи духовныхъ сферъ, органической неразрывности и вмѣстѣ дифференцированности функцій духовной жизни онъ, по крайней мѣрѣ, ясно постигалъ и пытался разрѣшить, тогда какъ окружавшая его идейная среда порождала либо явленія духовной безформенности—всякаго рода фальсификацію религіи или игру въ религію, будь то „естественная религія“ просвѣтительства или поэтическая религія романтиковъ,—либо

же явленія духовнаго деспотизма религіи въ формѣ сектантскаго догматизма и фанатическаго изуверства. Въ Шлейермахерѣ болѣе зрѣлое человѣческое сознаніе XIX в., преодолевшее раціонализмъ XVIII вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ насыщенное духовнымъ наслѣдіемъ всей новой европейской культуры, какъ бы опознало свое религіозное содержаніе. Онъ съумѣлъ найти слова для невыразимаго, вскрыть тайну религіознаго чувства и утвердить для него мѣсто среди сложныхъ и, повидимому, враждебныхъ ему элементовъ новаго жизнепониманія.

Это историческое значеніе Шлейермахера есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его современное значеніе. Мыслящему наблюдателю современныхъ духовныхъ теченій бросается въ глаза ихъ поразительное сходство съ умственнымъ движеніемъ начала XIX вѣка. Конечно, въ исторіи ничто не повторяется, и на ряду со сходствомъ можно отмѣтить и существенныя черты различія. Уже научное и, главнымъ образомъ, историческое значеніе, накопленное XIX вѣкомъ, опредѣляетъ важную разницу между нашимъ временемъ и началомъ прошлаго столѣтія. Матеріаль мысли расширился и утончился во всѣхъ направленіяхъ, опытъ безконечно возросъ, и соотвѣтственно этому всякаго рода надежды и замыслы должны считаться съ большими трудностями, и вмѣстѣ съ юношеской наивностью теряютъ и смѣлость юношескаго размаха. Но главные, господствующіе нынѣ мотивы все же въ основныхъ своихъ чертахъ повторяютъ мотивы начала XIX вѣка: глубокое разочарованіе во всѣхъ формахъ раціонализма, перенесеніе центра тяжести интереса съ внѣшней стороны жизни на внутреннюю, мечты о возрожденіи утра-

ченной органической цѣлостности духовнаго бытія. Философское движеніе нашего времени, начавъ съ рецепціи міровоззрѣнія Канта, уже возродило въ новой формѣ философскія идеи Фихте и Якоби и неизбежно наталкивается на проблемы Шеллинга и Гегеля. Соціологическая мысль, среди крушенія социализма, посвящена той же критикѣ социальнаго рационализма, которая лежитъ въ основѣ философско-историческаго міровоззрѣнія Берка и Бональда, Гегеля и исторической школы. Что все современное искусство стоитъ подъ знакомъ романтическаго бунта и раздѣляетъ и его сильныя, и его слабыя стороны—это не требуетъ особыхъ поясненій. Достаточно извѣстно также, что это броженіе идей снова поставило на очередь проблему религіи. Можно указать даже на книгу, которая почти ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ „Рѣчей о религіи“ Шлейермахера выдвинула и освѣтила вопросъ о природѣ и правахъ религіознаго сознанія, и для нашего времени имѣетъ приблизительно то же значаніе, что книга Шлейермахера—для той эпохи: это—„Многообразіе религіознаго опыта“ Джемса¹⁾; основныя идеи этой книги почти совершенно совпадаютъ съ идеями Шлейермахера, и можно, не умаляя цѣнности этой книги, съ полнымъ основаніемъ сказать, что Джемсъ только снова нашелъ для современныхъ людей ту Америку, которая за 100 лѣтъ до него была открыта и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо точнѣе описана Шлейермахеромъ.

¹⁾ См. нашу статью о ней: „Философія религіи В. Джемса“, *Русская Мысль*. 1910 г., № 2.

II.

Фридрихъ Даниэль Шлейермахеръ родился въ 1768 г. въ Бреславлѣ. Его отецъ и оба дѣда были пасторами, и въ особенности его дѣдъ со стороны отца, Даниэль Шлейермахеръ, былъ даровитой и страстной религіозной натурой, жизнь которой протекла въ бурныхъ религіозныхъ увлеченіяхъ и разочарованіяхъ. Въ 1783 году, на пятнадцатомъ году, Шлейермахеръ поступилъ въ гимназію гернгутерской „братской общины“ въ Ниски (въ Силезіи, около Герлица) и черезъ два года перешелъ въ гернгутерскій богословскій симинарій въ Барби. Гернгутерскія „братскія общины“ распространились въ Германіи въ первой половинѣ XVIII вѣка усиліями графа Цинцендорфа и представляли какъ бы церковныя организаціи піэтизма. Центромъ ихъ религіознаго настроенія была идея грѣховности и искупленія, и въ своихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ они сѣумѣли сдѣлать эту идею личнымъ опытомъ cadaго члена, заставляя переживать ее ежедневно и ежечасно. Характерная черта религіозности гернгутеровъ состояла въ томъ, что религія не была въ ихъ жизни обособленнымъ началомъ, а пропитывала и опредѣляла всю ихъ семейную и общинную жизнь, всѣ условія быта и дѣятельности. Когда Шлейермахеръ поступилъ въ гернгутерскую школу, піэтизмъ внѣ братскихъ общинъ находился уже въ упадкѣ, отчасти потерявъ внутреннюю духовную силу, отчасти побѣжденный просвѣтительскимъ богословіемъ школы Вольфа. Но тѣмъ строже ограждался аскетическій религіозный духъ въ школахъ гернгутеровъ отъ соприкосновенія съ новой наукой и философіей, со

всякимъ вѣянiемъ новаго міровоззрѣнiя. Новыя мысли проникали въ богословскій симинарій Барби контрабандой, наставники умѣли только насильственно подавлять, а не внутренне разрѣшать религіозныя сомнѣнiя юношей; и одинъ за другимъ лучшіе воспитанники симинаріа уходили изъ него въ университеты. Покинулъ его и Шлейермахеръ послѣ тяжкаго религіознаго кризиса и, несмотря на увѣщанiя и угрозы отца, перешелъ въ галльскій университетъ.

Этотъ юношескій кризисъ не нарушилъ, однако, въ Шлейермахерѣ преемственности религіознаго развитiя. Религіозность была не только привита ему средой, воспринята въ дѣтскихъ и отроческихъ впечатлѣнiяхъ; она лежала у него въ крови, какъ органическая сила, унаслѣдованная отъ предковъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ въ „Рѣчахъ о религіи“: „Благочестіе было материнскимъ тѣломъ, въ святой тѣмѣ котораго питалась моя юная жизнь и готовлялась еще къ скрытому отъ нея міру; въ немъ дышалъ мой духъ, пока онъ еще не нашелъ соотвѣтствующей себѣ сферы въ наукѣ и жизненномъ опытѣ; оно помогало мнѣ, когда я началъ провѣрять вѣру отцовъ и очищать мысли и чувства отъ мусора прошедшихъ временъ; оно осталось у меня, даже когда Богъ и безсмертіе поры дѣтства исчезли передъ моимъ сомнѣвающимся взоромъ“. Правда, это „благочестіе“ въ теченіе долгаго, десятилѣтняго періода ученичества и скитанiй—отъ вступленiя въ галльскій университетъ, весною 1787 года, до начала берлинской жизни, осенью 1796 года—находилось какъ бы въ скрытомъ состоянiи. На міровоззрѣніе Шлейермахера оказываетъ вліянiе сперва философія нѣмецкаго просвѣтителства, представителемъ которой въ